

Некоторые вопросы реформирования уголовного законодательства в плане усиления борьбы с латентной преступностью

Р.М. Акутаев¹, Х.О. Магомедов²

^{1,2} Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация

^{1,2} akutaevrm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реформирования уголовного законодательства с целью усиления борьбы с латентной преступностью. Актуальность статьи обусловлена необходимостью противодействовать реальной преступности. Автором акцентируется внимание на том, что наблюдаемая в последние годы тенденция заметного снижения показателей зарегистрированной преступности происходит за счет повышения латентной ее части. Говорится, что меры уголовно-правового воздействия в отношении лиц, преступивших уголовный закон, в первую очередь, зависят от характера и степени общественной опасности совершенного преступления. Обосновывается идея о том, что реформирование уголовного законодательства, в частности, включение в него такого института, как уголовный проступок, и проведение определенных организационно-управленческих преобразований, способны активизировать борьбу с латентной преступностью, особенно с наиболее многочисленной ее составляющей, которая представлена преступлениями небольшой тяжести. Делается вывод о том, что в борьбе с латентной преступностью существенный потенциал заложен в самом уголовном законодательстве, совершенствование которого может способствовать заметной ее активизации. Предложено разработать и опубликовать для обсуждения Концепцию нового Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: латентная преступность, уголовный проступок, характер и степень общественной опасности преступления

Для цитирования: Акутаев Р.М., Магомедов Х.О. Некоторые вопросы реформирования уголовного законодательства в плане усиления борьбы с латентной преступностью // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 50, № 2 (70). С.142–148. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-50-2-142-148

Original article

Some of the issues of reforming criminal legislation in terms of enhancing the fight with latent crime

Rasul M. Akutaev¹, Kh.O. Magomedov²

^{1,2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

^{1,2} akutaevrm@mail.ru

Abstract. The article discusses issues of reforming criminal legislation in order to strengthen the fight against latent crime. The relevance of the article is due to the need to counteract real crime. The author focuses on the fact that the trend of a noticeable decrease in registered crime rates observed in recent years is due to an increase in its latent part. It is said that criminal law measures against persons who have violated the criminal law, first of all, depend on the nature and degree of public danger of the crime committed. The idea is substantiated that reforming criminal legislation, in particular, including in it such an institution as a criminal offense, and carrying out certain organizational and managerial changes, can intensify the fight against latent crime, especially with its most numerous component, which is represented by crimes of minor gravity. It is concluded that in the fight against latent crime, significant potential lies in the criminal legislation itself, the improvement of which can contribute to its noticeable intensification. It was proposed to develop and publish for discussion the Concept of the new Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: latent crime, criminal offense, the nature and degree of social danger of the crime

For citation: Akutaev R.M., Magomedov Kh.O. Some of the issues of reforming criminal legislation in terms of enhancing the fight with latent crime. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2024, vol. 50, no. 2 (70), pp. 142–148. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-50-2-142-148. (In Russ.).

Анализ динамики зарегистрированной преступности за последние годы свидетельствует о значительном снижении ее показателей, что может быть оценено как достижение серьезного ре-

зультата или даже наступление существенного перелома в борьбе с преступностью. Судите сами. Если в 2006 году официально было зарегистрировано 3,8 млн преступлений, что является своеобраз-

разным рекордом для современной России¹, то по результатам 2018 и 2022 года этот показатель сократился наполовину – 1,9 млн. Причем статистические показатели свидетельствуют об устойчивой тенденции сокращения зарегистрированной преступности, уровня преступности в расчете на численность населения [1, с. 137]. Единственное «недоразумение» имело место в 2015 году, в котором по отношению к предшествующему году был отмечен рост преступности на 9 процентов. Правда, уже в следующем году это «упущение» удалось устранить – показатели статданных о преступности вновь снизились (или, все же, были снижены?) на 9,6 процентов.

Принимая во внимание общепризнанную и господствующую далеко не только в российской криминологической науке доктрину о социальной детерминированности преступности, напрашивается вывод о существенном улучшении социально-экономической жизни в стране². Иначе как объяснить снижение преступности в России за относительно небольшой промежуток времени почти на два миллиона преступлений? Однако объяснение указанного криминологического феномена не относится к предмету настоящего исследования, и такая задача в данном случае перед нами не стоит.

Вместе с тем, надо обратить внимания на одно весьма любопытное обстоятельство. Дело в том, что экстраполяция данной тенденции на ближайшие десять лет может обрадовать приверженцев коммунистической идеологии, поскольку отмирание преступности, что хотело воплотить в жизнь и о чем мечтало не одно поколение марксистов-

ленинцев, в наше время оказалась вполне достижимой задачей и, можно сказать, – удел ближайшего будущего. Правда, сами правоохранители вряд ли будут рады этому и устроят «панихиду по преступности», поскольку в этом случае многим из них грозит профессиональная невостребованность и безработица.

Однако перейдем к исходному предмету нашего исследования.

Обнаружившаяся позитивная тенденция развития российской преступности на основе статистических данных о ней настраивала бы на вполне оптимистичный лад, если бы эти данные соответствовали реальности, имели достоверный характер. Однако анализ фактического положения дел и связанной с ним криминогенной ситуации свидетельствуют об обратном. К тому же и сама преступность, если речь вести о фактическом (реальном) ее состоянии, складывается не только и не столько из зарегистрированной ее части, сколько определяется латентной ее составляющей, масштабы которой в разы превосходят зарегистрированную ее часть. Так, исходя из расчетов, проведенных на основе разработанного С.Е. Видиным метода статистических моделей, он пришел к выводу, что примерный уровень латентной преступности у нас в стране составляет $21,5 \pm 2,5$ млн преступлений в год. Исследование, основанное на экспертных оценках, проведенное профессором С.М. Иншаковым, в свое время возглавлявшим отдел проблем изучения латентной преступности и криминологического прогнозирования НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, позволило получить сходные данные – 23 млн преступлений в год [2, с. 164].

Изложенное позволяет предположить, что наблюдаемая в последние годы тенденция заметного снижения показателей зарегистрированной преступности происходит за счет повышения латентной ее части³. Если последовательно придерживаться концепции социальной детерминированности преступности, то такой вывод, думается, логичен и вполне оправдан, поскольку сколь-нибудь заметных положительных изменений, не говоря уже о позитивном прорыве, в социально-экономической жизни россиян за последние годы

¹ Резкий рост показателей зарегистрированной преступности (по сравнению с 2004 годом – на 27 %) можно объяснить введением в действие нового Приказа о едином учете преступлений, принятого в 2005 году, в связи с чем был усилена контрольно-надзорная деятельность за соблюдением учетно-регистрационной дисциплины. Как в последующем оказалось, это усиление носило временный характер, приобретая черты очередной кампании.

² Однако такой вывод не соответствует данным экономической статистики, отражающим общее падение доходов россиян, о чем, в частности, свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики, согласно которым 48,2 % семьям в России хватает денег только на еду и одежду. Подробнее см.: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cefae0b9a794727ee92b738?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 30.05.2023).

Не вселяют экономического оптимизма и данные Росстата по первой четверти текущего года. Так, по опубликованным им сведениям число россиян с доходами ниже прожиточного минимума в первом квартале 2019 года достигло 20,9 млн человек, из чего следует, что число бедных в России по сравнению с аналогичным периодом прошлого года выросло с 13,9 % до 14,3 %. URL: https://iz.ru/904290/2019-07-29/rosstat-nazval-chislo-rossiian-s-dokhodom-nizhe-prozhitochnogo-minimuma?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 29.07.2023).

³ Все это хорошо себе представляют и руководители правоохранительных органов. Так, бывший Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка, выступая в Совете Федерации с ежегодным докладом о состоянии законности в России, обратил внимание на рост поступающих сообщений о преступлениях, что, по его мнению, «убеждает в обоснованности позиции криминологов о большом массиве латентных преступлений и сохранении проблем с их выявлением и учетом». Лишь за один год прокурорами «отменено более 2,5 млн незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Выявлено свыше 158 000 преступлений, не получивших своевременного учета». URL: http://pravo.ru/court_report/view/104677/ (дата обращения: 29.04.2014).

не произошло. Напротив, экономические санкции со стороны США и ряда стран Западной Европы, колоссальные финансовые вложения в обустройство Крыма, навязанная нам гонка вооружений, связанная с проведением специальной военной операции, беспрецедентные масштабы хищений и злоупотреблений, даже при строительстве строго охраняемых и важных государственных объектов (к примеру, Восточного космодрома), огромные непредвиденные затраты на ликвидацию стихийных бедствий (лесные пожары, охватившие миллионы гектаров земель, наводнения и вызванные им разрушения и подтопления домов) и ряд иных обстоятельств серьезно сказываются на экономической и социально-психологической ситуации в стране, снижают возможности государства по повышению благосостояния ее граждан.

Теперь, когда мы представляем себе примерное соотношение зарегистрированной и латентной составляющих реальной преступности, где на одно официально учтенное преступление, по меньшей мере, приходится 8-10 латентных, зададимся вопросом: может ли система органов уголовной юстиции при сложившейся ее организационной структуре, нынешней укомплектованности кадрами, материально-техническом обеспечении и финансировании «переварить» всю преступность? Думается, ответ вполне очевиден. Желание перебороть, наступательно противодействовать реальной преступности приведет к тому, что уголовная юстиция, в том числе и пенитенциарные ее учреждения, начнет испытывать такие перегрузки, которые, в конечном счете, приведут к ее полному развалу. Полагаем, не поможет и применение репрессивных методов воздействия 30-х – 40-х годов прошлого столетия, на которые продолжают возлагать надежды некоторые горячие головы. К тому же эти методы абсолютно неприемлемы, учитывая современную геополитическую ситуацию в стране и в мире, а также те фундаментальные демократические преобразования, которые произошли в Российской Федерации и отражены в ее Конституции.

Так как же изменить ситуацию к лучшему, как сделать так, чтобы система уголовной юстиции «перерабатывала» хотя бы половину реальной преступности¹ [3, с. 138].

¹ В настоящее время, судя по соотношению зарегистрированной и латентной ее частей, уголовная юстиция в лучшем случае имеет дело лишь с 10-15 % реальной преступности. Такое положение дел можно рассматривать и с той точки зрения, что многие отправные принципы уголовного права, в частности, принципы неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление и равенства граждан перед законом, которые одновременно являются и принципами деятельности правоохранительных органов в сфере уголовной юрисдикции, реализуются далеко не в полной мере. И это в то время, когда среди множества стран мира, где отсутствует муниципальная полиция, Россия занимает первое место по коли-

безусловно, в системе предлагаемых мер важное место должно быть отведено мерам предупредительно-профилактического воздействия. Между тем, в данном случае (если, конечно, не иметь в виду постпенитенциарную профилактику) уповать лишь на них не приходится, поскольку речь идет о ретроспективном воздействии на лиц, уже совершивших преступления, хоть и оставшиеся латентными. Следовательно, нужны иные меры, можно сказать, определенная иерархия этих преобразовательных мер. Не претендуя на изложение их последовательности и содержания, хотелось бы отметить, что их начало, безусловно, должно быть положено дальнейшим совершенствованием, если хотите – реформированием, уголовного законодательства. В связи с этим хотелось бы высказать важное, на наш взгляд, соображение.

Как известно, меры уголовно-правового воздействия в отношении лиц, преступивших уголовный закон, в первую очередь зависят от характера и степени общественной опасности совершенного преступления. Учитывая данное обстоятельство, отправным посылом, своего рода первоосновой для применения не только уголовно-правовых мер воздействия, но и избрания мер уголовно-процессуального принуждения, соответствующих форм судопроизводства, является четкое размежевание, категоризация уголовных правонарушений по степени их общественной опасности. Причем это должно быть проведено самим законодателем, а не отдано на откуп судейского усмотрения, переложив на судебную власть не свойственную ей законотворческую функцию, как это имеет место в настоящее время согласно ч. 6 ст. 15 УК РФ. Кроме всего прочего, это положение УК РФ в известной мере можно расценить и как законодательное «попустительство» коррупционным проявлениям.

Указанный выше критерий – характер и степень общественной опасности деяния, основу которого составляют особенности объекта посяательства и степень его вредоносности, позволяет как дифференцировать преступления по соответствующим категориям, так и разграничить их от иных правонарушений, в частности, административных проступков. Наличие общего критерия оценки указанных правонарушений одновременно подтверждает известную взаимосвязь административных правонарушений и преступлений. Свидетельством тому являются положения ряда статей

честву работников правоохранительных органов – 522 (на 100 000 тысяч населения). Для сравнения приведем данные по Израилю, которая, как известно, перманентно испытывает военные конфликты, но где на аналогичное количество населения приходится 359,70 полицейских. Что уж говорить о благополучных странах – таких, как Финляндия и Дания. Здесь на 100 000 населения соответственно приходится 141,50 и 191,30 полицейских.

УК РФ, содержащих указание на административную преюдицию. Эта взаимосвязь была выявлена и Конституционным судом Российской Федерации (далее – КС РФ). Так, к числу наиболее серьезных административных правонарушений КС РФ отнес «нарушение порядка организации либо проведения публичных мероприятий или организации иных массовых мероприятий, повлекших нарушение общественного порядка, результатом которых стало причинение вреда здоровью человека или имуществу, если они не содержат уголовно наказуемого деяния (части 4 и 6 статьи 20.2 и часть 2 статьи 20.2¹ КоАП Российской Федерации), а также организация или проведение несанкционированных собраний, митингов, демонстраций, шествия, пикетирования или активное участие в них в непосредственной близости от территории ядерной установки, радиационного источника или пункта хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, если это осложнило выполнение работниками указанных установки, источника или пункта своих служебных обязанностей или создало угрозу безопасности населения и окружающей среды (часть 7 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации)». В этой связи в этом же решении КС РФ обращает внимание на то, что как посягающие на права, свободы и законные интересы физических и юридических лиц, безопасность окружающей среды, общественный порядок и общественную безопасность они, т.е. определенная категория административных проступков, *«по степени своей общественной опасности тяготеют к уголовно наказуемым деяниям»* (курсив наш. – Р.А.) и свидетельствуют об утрате публичным или иным массовым мероприятием мирного характера, являющегося неременным условием реализации права на свободу собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования¹.

Исходя из правовой позиции КС РФ и принимая во внимание многогранность и диалектичность социального феномена, охватываемого понятием «характер и степень общественной опасности деяния», которое не укладывается в дихотомичное представление о нем, как о преступном или не преступном деянии, полагаем, целесообразно выделить категорию «уголовный проступок» в качестве промежуточного института между административными и уголовными правонарушениями, который бы включал умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышало бы двух лет лишения свободы или иное менее строгое нака-

зание [5, с. 59]². Это привело бы к тому, что уголовные правонарушения включали бы две разновидности деяний – уголовный проступок и преступление.

13 октября 2020 года в Государственную Думу был внесен проект федерального закона о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ в связи с введением понятия «уголовный проступок». С введением института уголовного проступка к лицам, совершившим уголовный проступок, будут применяться иные меры уголовно-правового характера, предусмотренные главой 15.2 УК РФ. Другими словами, лицо, совершившее уголовный проступок и при этом возместившее ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, может быть освобождено от уголовной ответственности [6, с. 50].

Верховный Суд Российской Федерации уголовными проступками предложил считать перечень составов преступлений из Особенной части УК РФ, разделенный на три группы: совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, кроме определенных составов преступлений; совершенные лицом впервые преступления небольшой тяжести, куда включены некоторые не квалифицированные виды преступлений против собственности, и преступления небольшой или средней тяжести, куда включены 20 составов преступлений в сфере экономической деятельности [8, с. 36]. В законопроекте предлагается введение общественных и ограниченно оплачиваемых работ, которые будут иметь профилактическое воздействие на лиц, которые совершили уголовный проступок либо преступление небольшой или средней тяжести [9, с. 97]. Законопроект до сих пор находится на неопределенной стадии.

Поскольку предлагаемая разновидность проступка все же имеет уголовный характер, образуя своего рода буферную зону между административными правонарушениями и преступлениями в подлинном смысле этого слова, то напрашивается вывод, что уголовные проступки – это преступления с наименьшей степенью общественной опасности, присущей преступлениям небольшой тяжести.

² Данное предложение совпадает с точкой зрения Е.С. Трубникова, который предлагает отнести к уголовным проступкам часть преступлений небольшой тяжести, за совершение которых наказание не превышает двух лет лишения свободы. По его исследованию, в этом случае в разряд уголовных проступков может быть отнесено 108 преступлений.

На наш взгляд, если провести своего рода ревизию уголовного законодательства с акцентом на гуманизацию наказаний за те или иные преступления небольшой тяжести, а также перевести в разряд уголовных проступков отдельные административные правонарушения, характер и степень общественной опасности которых требует уголовно-правовых мер воздействия, то количество уголовных проступков может заметно возрасти.

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Причем уголовные проступки – часть указанной категории преступлений с минимально присущей для нее степенью общественной опасности.

Кроме того, к уголовным проступкам следовало бы отнести и те административные правонарушения, которым «тесно» в своем кругу, степень общественной опасности которых, по терминологии КС РФ, «тяготеет» к преступлениям, а объекты, на которые посягают эти деяния, представляются наиболее общественно значимыми с точки зрения их правовой охраны. Прежде всего, к их числу подпадают административные правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также деяния, имеющие террористическую или экстремистскую направленность. В данном случае сам характер этих деяний диктует выбор адекватных им форм и методов их охраны.

В плане изложенного считаем необходимым наряду с уже опубликованной и обсуждаемой Концепцией нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, проект которого был внесен Министерством юстиции России, разработать и опубликовать для обсуждения Концепцию нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Здравый смысл подсказывает, что в идеале эти две Концепции новых кодексов должны были бы разрабатываться и обсуждаться одновременно с тем, чтобы обеспечить согласованность между ними, не допустить противоречий и рассогласованности между многими смежными нормами, содержащимися в них.

Включение в уголовное законодательство новой разновидности уголовного правонарушения – категории уголовный проступок могло бы послужить весомым подспорьем, серьезным толчком к широкомасштабной реформе многих институтов уголовного права, в том числе и ряда положений уголовно-процессуального законодательства. К тому же это предоставило бы больше возможностей для дифференциации борьбы с преступностью при неизменности ее курса – усиление ответственности и наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, и применение менее суровых мер воздействия, как правило, не связанных с реальным лишением свободы за менее тяжкие преступления, особенно совершенных впервые. Такого же рода уголовные проступки (совершенные впервые) должны влечь за собой применение лишения свободы лишь в исключительных случаях с учетом конкретных обстоятельств дела и характеристики личности правонарушителя.

Анализ правоприменительной практики в сфере уголовной юрисдикции позволяет говорить о том, что без глубокого реформирования уголовного законодательства, в том числе и включения в него такого понятия, как уголовный проступок, предполагающего внедрение новых форм и методов воздействия на лиц, их совершивших, вести

борьбу с преступностью, в том числе и латентной ее составляющей, значительная часть которой представлена преступлениями небольшой тяжести, задача малопродуктивная. Необходимость реформирования уголовного законодательства вызвана и тем обстоятельством, что раздел уголовных проступков мог бы пополниться и некоторыми экономическими преступлениями, степень общественной опасности которых минимальна. При этом лица, допустившие подобного рода экономические (уголовные) проступки, разумеется, не должны подвергаться жестким мерам уголовно-правового воздействия с последующим признанием их судимыми.

Так, в 2021 году Верховный Суд РФ внес в Государственную Думу проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». По замыслу Верховного Суда из всех преступлений будет выделен уголовный проступок – как преступление небольшой тяжести, совершенное лицом впервые, за которое Уголовным кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы [7, с. 117].

Вместе с тем, следует исходить из того, что само по себе совершенствование законодательства в плане предлагаемых нововведений без проведения организационно-управленческих изменений вряд ли способно повлечь активизацию борьбы с наиболее латентной частью преступности. В этой связи при соответствующих изменениях законодательства было бы целесообразно в структуре органов МВД создать подразделения по борьбе с уголовными проступками, возложив на них обязанности по выявлению указанных правонарушений и проведению по ним дознания. Кроме того, с учетом изложенного необходимо рассмотреть вопрос о целесообразности идеи создания специализированных судов по рассмотрению данной категории дел [4, с. 51].

Очевидно, только при сочетании законодательных, организационно-управленческих, включая и методы воспитательно-карательного воздействия на лиц, совершивших уголовный проступок, которые бы были направлены на активизацию борьбы с преступностью, удастся вывести из тени и проводить наступательную борьбу со значительной частью преступлений небольшой тяжести. Причем все это должно вестись качественно и оперативно, чему могли бы послужить соответствующие изменения уголовно-процессуального законодательства. Полагаю, не обойтись здесь и без активного участия медиаторов в качестве посредников примирительных процедур, необходимым условием которых должно стать возмещение потерпевшему причиненного имущественного ущерба и морального вреда.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что в борьбе с латентной преступностью, особенно с наиболее распространенной ее составляющей, которую образуют преступления небольшой тяже-

сти, существенный потенциал заложен в самом уголовном законодательстве, совершенствование которого может способствовать заметной ее активизации.

Список источников

1. Теохаров А.К. Понятие и природа латентной преступности // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 132–139.
2. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии: монография / С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012.
3. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России / В. Волков, А. Дмитриева, К. Титаев, Е. Ходжаева, И. Четверикова, М. Шклярчук. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2015.
4. Клеандров М.И. Конституция Российской Федерации и структура отечественной судебной системы: какой бы хотелось ее видеть? // Российская юстиция. 2019. № 1.
5. Трубников Е.С. Уголовный проступок как новый вид правонарушения / Национальный исследовательский Томский государственный университет. Юридический институт. Томск, 2018.
6. Тарасова А.А. Введение института уголовного проступка в уголовное законодательство РФ: за и против // Вопросы студенческой науки. 2023. № 12 (88). С. 48–54.
7. Цыреторов А.И. Перспективы закрепления института уголовного проступка в отечественном законодательстве: уголовно-процессуальный аспект // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 113–122.
8. Титов В.И. Уголовный проступок в российском уголовном праве: проблемы введения и правоприменения // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 35–41.
9. Земскова А.В., Шишов В.В. О перспективах введения института уголовного проступка и его влиянии на прекращение уголовного дела или уголовного преследования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 96–10.

References

1. Teoharov A.K. Ponjatie i priroda latentnoj prestupnosti [The concept and nature of latent crime], *Zhurnal pravovyh i jekonomicheskikh issledovanij [Journal of Legal and Economic Research]*, 2023, no. 4, pp. 132–139. (In Russ.).
2. Issledovanie prestupnosti. Problemy metodiki i metodologii: monografija [Crime research. Problems of methodology and methodology: monograph], S.M. Inshakov. Moscow: UNITY-DANA; Zakon i pravo Publ., 2012. (In Russ.).
3. Diagnostika raboty pravoohranitel'nyh organov po ohrane obshhestvennogo porjadka i perspektivy sozdaniya municipal'noj milicii v Rossii [Diagnostics of the work of law enforcement agencies to protect public order and prospects for the creation of municipal police in Russia]; V. Volkov, A. Dmitrieva, K. Titaev, E. Hodzhaeva, I. Chetverikova, M. Shkljaruk. St. Petersburg: IPP EUSPb Publ., 2015. (In Russ.).
4. Kleandrov M.I. Konstitucija Rossijskoj Federacii i struktura otechestvennoj sudebnoj sistemy: kakoj by hotelos' ee videt' [The Constitution of the Russian Federation and the structure of the domestic judicial system: what would you like to see it like?], *Rossijskaja justicija [Russian justice]*, 2019, no. 1. (In Russ.).
5. Trubnikov E.S. Ugolovnyj prostupok kak novyj vid pravonarushenija [Criminal misconduct as a new type of offense]. Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet. Juridicheskij institut. Tomsk, 2018. (In Russ.).
6. Tarasova A.A. Vvedenie instituta ugovnogo prostupka v ugovnoe zakonodatel'stvo RF: za i protiv [Introduction of the institution of criminal offense into the criminal legislation of the Russian Federation: pros and cons], *Voprosy studencheskoj nauki [Questions of student science]*, 2023, no. 12 (88), pp. 48–54. (In Russ.).
7. Cyretorov A.I. Perspektivy zakreplenija instituta ugovnogo prostupka v otechestvennom zakonodatel'stve: ugovno-processual'nyj aspekt [Prospects for consolidating the institution of criminal offense in domestic legislation: criminal procedural aspect], *Lex Russica (Russkij zakon) [Lex Russica (Russian Law)]*, 2022, vol. 75, no. 10 (191), pp. 113–122. (In Russ.).
8. Titov V.I. Ugolovnyj prostupok v rossijskom ugovnom prave: problemy vvedenija i pravoprimerenija [Criminal offense in Russian criminal law: problems of introduction and enforcement], *Ugolovnaja justicija [Criminal justice]*, 2023, no. 22, pp. 35–41. (In Russ.).
9. Zemskova A.V., Shishov V.V. O perspektivah vvedenija instituta ugovnogo prostupka i ego vlijanii na prekrashhenie ugovnogo dela ili ugovnogo presledovanija [On the prospects for introducing the institution of a criminal offense and its impact on the termination of a criminal case or criminal prosecution], *Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti [Bulletin of Economic Security]*, 2022, no. 4, pp. 96–10. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акутаев Расул Магомедович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического института Дагестанского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: akutaevrm@mail.ru*

Магомедов Х.О., магистрант 3-го года обучения, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: akutaevrm@mail.ru*

Поступила в редакцию 15.12.2023 г.; одобрена после рецензирования 02.02.2024 г.; принята к публикации 04.03.2024 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akutaev Rasul Magomedovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of Dagestan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: akutaevrm@mail.ru*

Magomedov Kh.O., 3rd year master of study, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: akutaevrm@mail.ru*

Received 15.12.2023; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 04.03.2024